

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

**ДВА БИЛЕТА
В НИКОГДА**

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П37

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление — *Андрей Фerez*

На обложке использован портрет автора работы
художника *Натальи Трипольской*

Платова, Виктория Евгеньевна.

П37 Два билета в никогда : [роман] / Виктория Платова. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 384 с. — (Остросужетная проза Виктории Платовой).

ISBN 978-5-17-101672-2

Богатый загородный дом — лучшее место, чтобы переждать метель и непогоду. Так думает следователь Борис Вересень, волею судеб оказавшийся в родовом гнезде семейства Новиковых. Но за внешним благополучием и респектабельностью скрывается множество тайн, а непримиримые противоречия между членами семьи приводят к кровавой развязке. Застрелена глава клана — всеильная Белла Романовна, и совершить это преступление мог только человек из ее ближнего круга. Кто именно? Разгадать эту загадку и предстоит Вересню и его верному коту Мандарину.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101672-2

© В.Е. Платова, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ПРОЛОГ

* * *

01 ч. 17 мин. Убийство

...Что она здесь делает?

Где она?

Раз-два-три-четыре-пять. Пятнадцать. А после пятнадцати — что идет после пятнадцати? Раз-два-три... Что идет после трех?

Пятнадцать.

Пятнадцать — оно круглое? Оно мягкое?

Круглое. Что-то круглое висит над ней. Отбрасывает свет.

Свет.

При свете должны быть видны пальцы. Они видны. Раз-два... Что идет после двух?

Пятнадцать. А после пятнадцати? Снег. После пятнадцати идет снег. Следует. Снег круглый? Он мягкий?

Эта штукавина.

Для чего нужна эта штукавина? Наверное, для чего-то важного, если отбрасывает свет. У штукавины должно быть название, определенно. И она знала его. И даже умела обращаться со штукавиной, вот только позабыла — как.

Надо вернуться к пятнадцати. Надо вернуться к снегу, хорошо бы еще вспомнить, что это такое. Само слово брезжит в сознании, но за ним ничего нет.

Пустота.

Ее окружает пустота.

Мягкая, круглая, пятнадцать, снег.

Двигаться все труднее. Труднее, чем пятнадцать назад. Чем снег назад. Хорошо бы понять — почему? То, что она чувствует сейчас, тоже как-то называлось. Оно приводило... хм-мм... к пустоте. Не той, которая окружает ее сейчас, — другой.

Внутри.

Это существо.

Оно шло за ней снег назад. Издавало какие-то звуки. Возможно — произносило слова. Существо уместилось бы на руке, которая оканчивается... Чем оканчивается рука? Она позабыла и это, хотя еще пятнадцать назад помнила.

И *штуковина* издает звуки. Возможно — произносит слова. *Штуковина* беспокоит. В отличие от *существа*. То, что она чувствовала к существу, тоже как-то называлось. Оно приводило... хм-мм... в то место, где нет никаких вопросов.

Только тепло.

Там, где она сейчас, нет никакого тепла.

Штуковина все еще беспокоит. Ее поверхность вспыхивает и гаснет; освещает пятнадцать. Освещает снег. И все остальное, подвешенное в пустоте. То, чьи названия потеряны для нее навсегда. Чьи имена.

Надо что-то делать, чтобы унять *штуковину*.

Но что?

Поскрести по ней. Ткнуть в нее. Да, так она и поступит — пока слово «ткнуть» не исчезло в пустоте, как все другие слова.

— ПРОЩАЙ, СУКА! — изрыгает из себя *штуковина*.

Что именно это могло означать — она не помнит.

— ПРОЩАЙ СУКА! СДОХНИ!

Прежде чем ее сознание разрывает ярко-красная вспышка и перестает существовать всё, абсолютно всё — даже пустота... Прежде чем телефон выскальзывает из ее рук... Она вдруг вспоминает, что за существо шло за ней, пытаюсь предупредить об опасности.

Кот.

Длиннолапый кот с голубыми глазами.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДНЕВНИК

* * *

...Снег валил не переставая.

Снегопад начался ближе к вечеру, и с тех пор его интенсивность только нарастала. Кто-то успел проскочить в особняк еще до его начала, но таких счастливиц оказалось немного. Остальным пришлось буквально пробиваться через снежные заносы. А за последними из гостей, застрявшими где-то в двух километрах от поворота на «Приятное знакомство», даже послали Михалыча на его самодельном, собранном из нескольких транспортных средств тягаче.

«Приятное знакомство» — так называлось это место задолго до того, как было куплено Беллой

Романовной Новиковой — главой «Норд-Вуд-Трейда», большого концерна по переработке и экспорту леса. А так же владелицей других профильных и непрофильных активов.

Несколько десятков гектаров земли, перемежаемой невысокими холмами, вклинившийся в северное окончание участка сосновый бор и старая обветшавшая усадьба в центре — за это добро Белла Романовна отвалила (пользуясь знакомством в местной администрации) не слишком много: что-то около полумиллиона долларов. Гораздо больше ушло на прокладку подъездной дороги, дренажные работы, очистку сосняка от мертвых деревьев и — собственно усадьбу. Старая постройка была снесена вплоть до фундамента, и на нем отстроили особняк в его нынешнем виде: трехэтажное здание в викторианском стиле с башенкой, островерхими крышами, эркерами и террасой, опоясывающей весь дом. В правом крыле дома располагались кухня, кладовая, множество подсобок и несколько жилых комнат для персонала. В левом обустроили зимний сад.

Второй этаж занимали небольшая гостиная с камином, бильярдная, библиотека и два разведенных по разным крыльям просторных зала с панорамными окнами. Отсюда открывался чудесный

вид на окрестности, а в хорошую погоду удавалось даже разглядеть расположенное в нескольких километрах Зеленохолмское озеро. Захватывающие дух ландшафты можно было наблюдать и из рабочего кабинета Беллы Романовны, вот только вход туда был заказан. Всем, за исключением ее личного секретаря и экономки.

Третий этаж целиком состоял из гостевых комнат, туда же втиснули небольшой тренажерный зал и массажный кабинет, подозрительно смахивающий на филиал буддистского дацана.

На прилегающей к особняку территории соорудили бассейн — иначе чем прихотью хозяйки (учитывая северные широты) назвать это было нельзя. По разряду прихотей проходило и поле для гольфа: саму Беллу Романовну трудно было назвать заядлой гольфисткой, как и тех немногих гостей, что время от времени посещали ее резиденцию. В основном — для конфиденциальных переговоров на высшем уровне, связанных с очередным слиянием и поглощением. Все остальные, не столь значимые, переговоры Белла Романовна проводила в своем городском офисе.

...В тот вечер в «Приятном знакомстве» ждали всех членов небольшого семейства Новиковых. Они должны были прибыть на празднование дня рождения хозяйки, по удачному (или, напротив,

не самому удачному) стечению обстоятельств совпадающему с началом Нового года. Первого января Белле Романовне должно было исполниться семьдесят.

В течение года Новиковы почти не виделись друг с другом: родственные связи (и без того не слишком прочные) с годами ослабели окончательно. Совместных торжеств — с негласной подачи главы клана — избегали, оставив для встречи лишь один день в году —

самый первый.

Встреча проходила по разряду обязательных: не приехать на нее было невозможно. Никакие оправдания Беллой Романовной в расчет не принимались. Так, во всяком случае, обстояли дела последние несколько лет. Проработанный до мелочей ритуал отдавал легкой казенщиной: официально разосланные приглашения, в которых указывалась точная дата начала мероприятия. И более чем официальный дресс-код. Рассадка за столом согласно визиткам тоже не добавляла в отношения тепла. Но к отсутствию тепла все давно привыкли: всего-то и надо было, что высидеть церемонию с намертво приклеенными к физиономиям улыбками. А до этого — поздравить именинницу и получить в ответ скупое *«Спасибо, дорогие мои, я очень ценю ваше отношение»*.

«Дорогие мои» — не более чем фигура речи. *Дорогих* не третируют прилюдно, не унижают, как блох, выискивая недостатки. Не подчеркивают полную человеческую и профессиональную импотенцию — естественно, по сравнению с теми высотами, на которые удалось вскарабкаться самой Белле Романовне. Несмотря на гипертонию и проблемы с позвоночником.

Взывать к материнским чувствам владелицы «Норд-Вуд-Трейда» было бессмысленно, как и к простому человеческому участию. Возможно, они и теплились когда-то, но ежедневная борьба за существование в мире большого бизнеса ожесточила ее сердце. И рядом не оказалось никого, кто поддержал бы ее в этой борьбе и переложил на свои плечи хотя бы часть забот. Так, по крайней мере, казалось ей самой. Муж Беллы Романовны, Владимир Николаевич Новиков, бывший второй секретарь одного из районных комитетов партии, в самом начале девяностых переквалифицировался в бизнесмены. И, пользуясь наработанными связями, организовал экспорт круглого леса — так возник «Норд-Вуд-Трейд», небольшая поначалу компания с двумя филиалами в Сортавале и Игарке. Увидеть расцвет своей империи он не успел: киллеры расстреляли Владимира Николаевича на выходе из Мытнинских бань, куда он заходил

еще со студенчества и с возрастом привычке своей не изменил. Он вообще был человеком привычки. Белла Романовна тоже значилась одной из них, быть может, — наряду с Мытнинскими банями — самой застарелой. К своим тридцати плакатный райкомовский красавчик стал погуливать, но старался делать это аккуратно, чтобы не причинять душевных страданий Белле и сыновьям. Да и карьере чрезмерное увлечение женщинами могло навредить. Новое же, свободное от условностей время диктовало и новый стиль поведения: молодые любовницы при нуворишах стали его неизменным атрибутом. Имелись они и у Владимира Николаевича, но, к чести новоиспеченного миллионера, Беллу он не оставил.

А Белла не оставила его. И «Норд-Вуд-Трейд». Когда изрешеченный девятнадцатью пулями, выпущенными из автомата Калашникова, Владимир Николаевич Новиков ушел в небытие, у руля компании встала маленькая, ничем не примечательная женщина. Бывшая домохозяйка, в активе которой значился лишь ФинЭк, законченный с красным дипломом когда-то в юности. Это казалось тем более невероятным, что от желающих прибрать компанию к рукам отбоя не было. Но Белла (откуда что взялось?) проявила себя блестящим стратегом и не менее блестящим тактиком, способным

создавать временные союзы с людьми, от которых сам отец-основатель «Норд-Вуд-Трейда» бежал как от чумы. Она ездила на стрелки к бандитам и ужом вползала в кабинеты бывших сослуживцев Владимира Николаевича. «Володиной вдове» мало кто отказывал, и постепенно Белла Романовна обзавелась уже своими связями. Лесная империя росла и ширилась, отвоевывая все новые пространства; Белла работала по двадцать часов в сутки, лично летала с инспекциями в самые отдаленные подразделения, научилась ругаться матом и пить водку с работягами. Сама-сама-сама, — ставок на сыновей она не делала изначально.

Не то чтобы они были неудачниками, её сыновья... Сказать так — означало бы покривить душой. Они просто *не соответствовали масштабу*.

И хватка.

Им не доставало хватки — как будто коренные зубы по какому-то недомыслию не прорезались и они до сих пор пускали в ход молочные.

Того и гляди — расшатаются и выпадут.

А воевать с пустыми деснами — значит обречь себя на поражение.

Впрочем, был кое-кто, к кому железная старуха в последние годы начала присматриваться. Осознание того, что на горизонте промелькнула

родственная ей душа, наполняло существо Беллы Романовны смутной надеждой. Блуждающий огонёк казался едва различимым, из него еще предстояло раздуть пламя — и тут на первый план выходил фактор времени. Сколько его осталось? Чистого времени относительной физической крепости и ясности ума? Конечно, Белла Романовна как могла оттягивала процессы увядания. Нет, вовсе не морщины на лице волновали ее: в жизни она не сделала ни одной подтяжки, ни одного укола ботокса. И последние двадцать пять лет — с тех пор, как седина все настойчивее стала замечать голову, — не красила волосы. Речь шла совсем о другом: продержаться как можно дольше, не отвлекаясь на возрастные недуги. Над этой проблемой работал целый штат массажистов и тренеров, которым Белла Романовна платила бешеные деньги. Она заплатила бы и больше — лишь бы тело всегда подчинялось ей и его не покидала определенная легкость. После утреннего пробуждения она минут десять лежала в кровати, прислушиваясь к себе и множа в уме четырехзначные числа. Прodelывать такие трюки она умела еще в средней школе, к вящему изумлению учителей, прочивших ей блестящую математическую карьеру.